

УДК 303.425.5

А.А. Авдашкин

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор А.А. Пасс

"WER SIND SIE?": СПЕЦИФИКА ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВЕКОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

*Исследование выполнено в рамках целевой программы «Фонд поддержки молодых ученых»
ФГБОУ ВПО ЧелГУ «Модели этнокультурного самоопределения и воспроизводства
этнической идентичности (на примере немецкой и еврейской диаспор Челябинской области 1989–2003 гг.)»
(грант ФГБОУ ВПО ЧелГУ ФПМУ 1/14)*

Статья посвящена этнической идентичности российских немцев в конце XX – начале XXI вв. на материалах Челябинской области. На основе устных историй и глубинных интервью рассматриваются представления немецкого населения о специфике своей этнической идентичности на современном этапе, предложены и охарактеризованы модели самоидентификации российских немцев. Кроме того, освещены процессы эмиграции российских немцев в Германию.

Этническая идентичность, российские немцы, немцы на Урале, Челябинская область.

The article is devoted to the ethnic identity of Russian Germans at the end of the XXth – beginning of the XXIst centuries based on the material of Chelyabinsk region. The paper considers the conception of German population about the specifics of their ethnic identity at the present stage based on oral stories and in-depth interviews. Models of Russian Germans' identity are proposed and described in the paper. The paper considers the processes of Russian Germans' emigration in Germany.

Ethnic identity, Russian Germans, Germans in the Urals, Chelyabinsk region.

К настоящему моменту в России, если следовать положениям российского социолога В.С. Курске, сложилась этническая группа российских немцев с отчетливо выраженной ориентацией на множественную идентичность, включающую этнические, гражданские, региональные и конфессиональные элементы [5, с. 12].¹ В обстановке системных сдвигов в российском обществе на рубеже XX–XXI вв. возникали новые и актуализировались старые этнические фобии, симпатии и антипатии. Тем самым востребован исторический опыт проживания в России различных этнических меньшинств, в том числе российских немцев. Последние свыше полувека адаптировались к жизни в обстановке изгнания, реперсий и их последствий, а в конце 1980-х – начале 2000-х гг. ощутили диссонанс из-за внутренних противоречий этнической, конфессиональной и гражданской самоидентификации, социально-экономической неустойчивости в постсоветской России и широких возможностей для эмиграции в Германию. С другой стороны, предпринимались попытки возрождения самобытности российских немцев через создание культурно-просветительских центров, изучение языка,

традиций. Приведенные факты убеждают в актуальности поставленной проблемы и необходимости объективной оценки этого опыта с тем, чтобы обеспечить приращение научного знания о положении немецкого населения в России. До начала «Перестройки» в сознании советских граждан фактически не существовали советские немцы, а их история была практически недосыгаема для отечественных исследователей. Так, до начала 1990-х гг. исторические исследования по проблеме немецкого населения СССР практически не велись из-за негласного запрета темы [13, с. 184].

Результаты переписи населения 1989 г. позволяли говорить о 39 тыс. немцев, проживающих в Челябинской области [9, с. 8]. Однако, по оценкам специальной экспертной группы², сделанным в 1996 г., ситуация выглядела иным образом: общая численность немцев оценивалась в 180–250 тыс., включая как тех, кто указал свою идентичность как «немец» (39 тыс.), так и тех, кто по субъективным или объективным причинам это скрыл или имел немецкое происхождение, но не знал об этом или не придавал этому факту значения (от 140 до 210 тыс.) [11, л. 2]. Немецкое население региона условно подразделялось на груп-

¹ Автор выражает благодарность руководству немецкой национально-культурной автономии г. Челябинска и Челябинской области за участие и помощь в организации исследования.

² Данная группа экспертов включала активистов и представителей немецких национально-культурных центров области.

пы, характеризовавшиеся существенными различиями в самоидентификации и восприятии «немецкой» этничности: от ее полного забвения, эмиграции в Германию до сознательной «презентации» себя как российских немцев, что подразумевало знание языка, традиций, культуры или даже построение своего «генеалогического древа» [6].

Источниковой базой для написания статьи выступили материалы устных историй и глубинных интервью с российским немцами, собранные по Челябинской области¹.

Описывая свое отношение к немецкой идентичности, респонденты формулировали основные компоненты ассимиляции: «Русская я... не могу себя назвать немкой. После войны я помню, как иногда мне говорили: «О! Немка! Фашистка!». В какой-то степени это угнетало... Мой брат хотел поступить в какой-то институт – его не взяли. Его «завернули». «Папа поставил условие, что дети будут лютеранами... я была лютеранкой... но когда папы (немец) не стало мама (русская) постепенно «перетянула» нас с братом в православие, к нему я пришла в уже сознательном возрасте» [6]. Как показывает анализ текстов устных историй и глубинных интервью, ассимиляционная модель идентичности характерна для смешанных семей и тех, кто испытал дискриминационное воздействие со стороны окружения или не прошел этническую социализацию в семье.

Оценивая языковую ситуацию, респонденты подчеркивали утрату немецкого языка: «Мы знали немецкий, на быденном уровне могли переброситься парой слов в кругу семьи или своих, но в тоже время не приветствовалось, что ты где-то на улице говоришь на немецком, хотя запретов то каких-то вроде не было». «Родители еще дома говорили на немецком, а я уже его не знаю. Я помню, как папа часто ругался: «Пусть дома дети говорят на немецком...». Мой брат, уехавший в Германию в 1992 г., он знает немецкий... дети мои, конечно, уже не знают» [6]. Так, по данным микропереписи населения 1994 г. только треть немцев в Челябинской области владела немецким языком, для остальных родным был русский [12, с. 4].

Кроме того, для Челябинской области характерен дисперсный тип расселения немцев, что, по мнению Н.В. Матвеевой и В.М. Кирилова, затрудняло их консолидацию и создавало условия для ассимиляции, «забвения» идентичности. В результате «перекоса» половозрастной структуры в пользу мужчин частой стала практика смешанных браков², что создавало благоприятную среду для ассимиляционных процессов, утраты языковой среды и затрудняло са-

моопределение детей в таких семьях в выборе идентичности [7, с. 70], [4, с. 155].

В рамках модели симбиоза воспроизводится уникальный тип этнической идентичности – «русские немцы», обладающий самобытной культурой, диалектами, историей. Российские немцы предстают как динамично этнизирующееся сообщество, стремящееся к автономности от обеих материнских культур. «Нельзя переносить «калькой» немцев Германии на российских немцев – я за то, что формировался уникальный тип, народ. Немцы России... они сохранили то, что привнесли из немецких земель и перенимали традиции окружения. Шло двуязычное преподавание... мой отец знал и немецкий и украинский» [6].

Незнание немецкой культуры, языка не становилось проблемой для самоидентификации. По данным исследователя Э.Р. Барбашиной на вопрос о типичных этнических признаках чаще всего респонденты указывают: «трудолюбие», «исполнительность», «аккуратность», «умение рационально вести хозяйство», «пунктуальность» и т.п. Известно, что этнические группы могут «наделять» себя качествами или признаками, которые им приписываются. Подчеркнем, что именно указанные выше качества чаще всего называют представители других этнических групп при указании особенностей немцев, в том числе и российских [1, с. 171–172].

Аналогичную тенденцию мы можем наблюдать и на региональном материале. «Семья, так или иначе, оставалась ячейкой воспроизводства этнической идентичности: песни, стихи, праздники, кухня, режим жизни, социальное поведение, отношение к другим людям («обращение на «Вы»), особенности быта («чистые окна, чистота, порядок, пунктуальность, порядочность»)). «Основным источником была семья, ее история. Мне нравилось уважительное отношение в семье, в быту, мне нравился язык, немецкий менталитет, дисциплина, качественная система воспитания детей». «Даже, если завтра пройдет перепись, я не смогу написать, что я русская немка... но быть немкой для меня это быть правильным, педантичным, говорить на немецком, не считать себя «русским» (русаком)». «Манера поведения... внутренние качества. Нордический характер, определенный педантизм, идеальный быт... все по струночке налажено» [6]. На практике этническая идентичность формируется, в том числе, посредством усвоения позитивных стереотипов, отражающих основные социальные черты и особенности образа «типичного» немца. Данные черты служат системой координат для этнического самоопределения, основанного на усвоении и воспроизводстве социальной модели поведения: честность, пунктуальность, твердость характера, рациональность.

Инструментальная модель (или модель мигранта) выделена условно, поскольку исходит из понимания этнической идентичности как инструмента и основания для миграции на «историческую родину». Так, по мнению историка В.М. Кирилова, память о репрессивной и дискриминационной политике властей сформировала и закрепила негативную этническую и

¹ В исследовании были задействованы российские немцы, проживающие в Челябинске и Копейске (16 респондентов). Исследование проводилось в период май 2013 – май 2014 гг. Сбор материала шел как в официальной обстановке, с применением диктофона и структурированного опросника, так и в форме бесед в неформальной обстановке и фиксации наблюдений в дневники.

² Для немцев в Челябинской области доля смешанных браков составляла не менее 35 %.

гражданскую идентичность в сознании российских немцев и подвигла их к выезду на «родину предков» [3, с. 348]. В период 1989–1994 гг. из заявленного региона выехало порядка 10 % немцев [12, с. 4]. Результаты социологического исследования, проведенного по заказу администрации Челябинской области в 1995 г., показали, что для немецкого населения области характерны миграционные настроения: порядка трети немцев имели планы на смену места жительства [8, с. 1].

Всего же за 1990–1996 гг. число эмигрантов-немцев составило не менее 10 тыс. Основные причины их выезда можно расположить следующим образом:

- 1) угроза безработицы;
- 2) сохранение социально-экономической нестабильности и политической напряженности в России;
- 3) волнение за будущее детей;
- 4) стремление к большей социальной защищенности [2, с. 2].

По переписи, проведенной в 2002 г., немецкое население области с 1989 г. сократилось на 10758 человек [10, с. 6]. Так же есть данные, что только по состоянию на первую половину 1990-х гг. Челябинск покинуло 3200 немцев, Копейск – 1000, Коркино – 1300, Миасс – 198, Барсучье – 110, Маякское – 433, Подовинное – 158 [11, л. 9]. Респонденты, имевшие опыт проживания в эмиграции, критически оценивали свой потенциал на интеграцию в немецкое общество, объясняя это, прежде всего, проблемами психологического характера и сложностью в идентификации со стороны немецкого общества. *«На самом деле нас там не сильно то кто-то ждал... мы вроде как «другие» немцы для Германии и жизнь приходится начинать с нуля. К середине 1990-х гг. поток убавился: те, кто остался тут, посмотрели, что уехавшие особо ничего там не достигли, а успех сопровождал реально десяткам, а не сотням. Вот и стихли настроения на эмиграцию. 1000¹ – не меньше вернулись в итоге обратно»* [6]. В целом идентичность мигранта предстает наиболее сложной, поскольку характеризуется инструментальными приоритетами, этничность выступает как миграционный «трамплин».

Необходимо особо остановиться на исторической памяти. Характерно, что для поколений 60–90-х гг. XX вв. конструирование идентичности приобрело характер принятия в большей степени социальной роли немца, нежели этнической. В результате происходило приписывание себе ряда качеств, обозначенных как этнические коды, позволяющие отличать «своего» от «другого». Бытующие в массовом сознании граждан присутствуют представления о том, что этничность – это наследуемая от семьи характеристика, обусловленная этничность предков. Именно поэтому именно история семьи становится местом поиска своей идентичности, а семейные истории выступают «базовым» этнодифференцирующим при-

знаком. Иными словами, достижения предыдущих поколений, их вклад в развитие мировой культуры, прежние статусы присваиваются и воспринимаются как ориентиры для самоопределения. Поиск корней и их осмысление нередко выступали основой при построении своей «сегодняшней» (имеется в виду период 1990-х – начала 2000-х гг.) идентичности. Утерянная предками или нивелированная дискриминационным воздействием со стороны государства идентичность актуализировалась и наполнялась новым содержанием, ложась в основу построения жизненных стратегий. Другими словами, на исторической памяти, содержащей глубокую брешь, возводился новый конструкт этничности, порождающий миф «об общем происхождении» и «общей истории». Основываясь на представлении о единстве, происходит активное переосмысление прошлого, конструируемого под воздействием настоящего. В «общей истории» российских немцев ключевыми вехами становятся два событийных ряда: переселение немцев в Россию, выступающее в качестве точки отсчета истории группы, и репрессии, предстающие в форме основания текущего статуса группы и процессов, с ней связанных. Каждая из рассказанных устных историй и глубинные интервью достаточно четко привязаны к этой логической схеме общего прошлого.

Для последнего высокую значимость имеют и места памяти, служащие когнитивными и аффективными скрепами истории российских немцев. Образы Родины представлены так: в качестве реальной родины выступает Челябинск, Урал, Россия. Причем все три понятия применяются синтетически по принципу «матрешки»: *«Челябинск же часть Урала, а что есть Урал? Урал – это Россия. Россия – наша Heimat...»* [6]. Иными словами, образ реальной родины многослоен, включая локальную идентичность – немцы Урала – и представление о некоей гражданской общности. Важным местом памяти становится и бывшая АССР НП². Однако, она предстает не как географическое, социально-политическое или социально-культурное понятие, ее образ связан в большей степени с отнятой независимостью, автономией и благополучной жизнью предков, *«незаслуженными»* и *«несправедливыми»* репрессиями [6]. Образ автономии в Поволжье воспринимается как исторический ориентир, то, к чему логически должны были стремиться немецкие общественные организации и интеллектуальная элита российских немцев на рубеже 80–90-х гг. прошлого века. Несмотря на то, что Германия воспринимается как «историческая родина», социально-культурный феномен и географическое место, откуда вышли все немцы, ее роль как места памяти крайне ограничена, уступая идеализированному образу АССР НП или образу Урала³.

² Автономная советская социалистическая республика немцев Поволжья. Ликвидирована в сентябре 1941 г.

³ Интересно, что для тех респондентов, представления которых укладываются в рамки миграционной модели идентичности, характерно понимание Германии как точки возвращения для большинства российских немцев в ближайшие десятилетия.

¹ Респонденты акцентировали внимание на том, что очень сложно реально оценить масштабы обратной миграции, но сходились в своих оценках феномена на 1–1,5 тыс. «обратных» мигрантов за середину и конец 1990-х гг.

Таким образом, на материалах Челябинской области удалось выявить многослойность этнической идентичности российских немцев. Роль основных этнических кодов играют: историческая память, позитивные стереотипы о социальном поведении «типичного» немца, в меньшей степени задействуются традиционные этнические маркеры: праздники, немецкий язык и традиции. В настоящее время процессы трансформации этнического самосознания российских немцев можно условно представить в качестве трех основных моделей:

1) *ассимиляционная* модель включает фрагментарные элементы немецкого самосознания и «русскую» идентичность, как гражданскую, так и этническую;

2) модель *симбиоза* русского и немецкого этнокультурного компонента, приводит к осознанию себя «русским/русским немцем»;

3) *инструментальная* модель, представленная как стремление приобрести немецкую гражданскую идентичность. Данную модель проблематично охарактеризовать в структурном плане, поскольку мотивы миграционного поведения немцев позволяют рассматривать этническую идентичность как инструмент для смены социальной, политической, культурной, экономической среды обитания.

С целью дальнейшего приращении научного знания о российских немцах необходимо создание архивов устных историй, глубинных интервью, систематизация семейных архивов в электронные базы данных, что позволит создать массив источников, которые могут быть применены при анализе ментальности и исторической памяти российских немцев.

Источники и литература

1. *Барабашина, Э.Р.* Об этническом будущем российских немцев: сохранение, трансформация, ассимиляция? / Э.Р. Барабашина // Ключевые проблемы истории российских немцев: Материалы X Международной конференции Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. – М., 2004. – С. 162–176.

2. *Ерошкин, А.* Чтобы немцы не уехали, тоже нужны деньги / А. Ерошкин // Вечерний Челябинск. – 1996. – 13 ноября. – С. 2.

3. *Кирилов, В.М.* Немцы на Урале XVII–XXI вв. / В.М. Кирилов. – Н. Тагил, 2009.

4. *Кирилов, В.М.* Историческая память и самосознание российских немцев (по материалам источников личного происхождения) / В.М. Кирилов // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: Материалы XIII Международной научной конференции. Москва, 21–23 октября 2010 г. – М., 2011. – С. 322–349.

5. *Курске, В.С.* Множественная этническая идентичность: теоретические подходы и методология исследования (на примере российских немцев): автореф. дис. ... канд. соц. наук / В.С. Курске. – М., 2011.

6. Личный архив автора. Материалы глубинных интервью и устных историй с российскими немцами. 2013 – 2014 гг.

7. *Матвеева, Н.В.* Российские немцы на Урале: проблемы и перспективы развития / Н.В. Матвеева // Немцы новой России: проблемы и перспективы развития: Материалы II Международной научно-практической конференции. Москва, 7–9 декабря 2009 г. – М., 2010. – С. 69–71.

8. Межнациональные отношения и состояние национальных культур в Челябинске // Возрождение Урала. – 1995. – 30 августа. – С. 1.

9. Национальный состав населения Челябинской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.) // Госкомстат РСФСР, Челяб. обл. управление статистики. – Челябинск, 1990.

10. Национальный состав населения Челябинской области по итогам Всероссийской переписи населения 2002 года: Стат. сб. Челябинскстат. – Челябинск, 2005.

11. Объединенный Государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. Р. 233. – Оп. 1. – Д. 479.

12. Свидетельствует статистика // Челябинский рабочий. – 1995. – 9 февраля. – С. 4.

13. *Черказьянова, И.В.* Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев и развитие историографии о немецком населении (1990 – 2000-е гг.). / И.В. Черказьянова // Этнические взаимодействия на Южном Урале / отв. ред. А.Д. Таиров, И.О. Иванов. – Челябинск, 2009. – С. 184–185.

УДК 94(4+7):94(47)“1800/1914”

А.Б. Агафонова

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор О.Ю. Солодянкина

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-31-01242

Статья посвящена выявлению закономерностей во взаимодействии между городом и природной средой в Соединенных Штатах Америки, Европе и в Российской Империи в течение XIX – начале XX вв. Автор анализирует экологические проблемы городской среды и механизмы их решения органами местного и государственного управления в XIX – начале XX вв.

Город нового времени, загрязнение городской среды, политика органов местного самоуправления, санитарное состояние, экологическая история.